

32 Признаковая лексика¹

Е. В. Кашкин, У. Ю. Багрянская, М. А. Бибаева, Д. А. Бикина,
А. А. Бобрёноква, А. Д. Егорова, А. Н. Закирова, А. А. Козлов,
А. М. Муравьёва, С. О. Никифорова, Е. С. Новикова, М. Ю. Привизенцева,
М. А. Сидорова, Т. А. Шалганова

32.1 Введение

32.1.1 Группы лексики, описывающей качественные признаки

Эта глава посвящена признаковой лексике мокшанского языка — лексемам, описывающим качественные признаки. Для мокшанского языка это в первую очередь прилагательные (например, *orža* ‘острый’, *vid’ə* ‘прямой’) и производные от них наречия (например, *oržastə* ‘остро’, *vid’əstə* ‘прямо’), лексическая семантика которых очевидным образом мотивирована семантикой базовых качественных прилагательных. Также рассматриваются семантически релевантные стивные глаголы (ср. глагол *gur’kštəms* ‘скользить; быть скользким’, в некоторых контекстах являющийся базовым средством описания скользких поверхностей) и причастные формы (например, русскому прилагательному *грязный* соответствует в некоторых контекстах форма результативного причастия *vad’ən’t’f*; образованная от глагола *vad’ən’d’əms* ‘мазать, пачкать’).

Большинство предшествующих исследований по лексической типологии, как правило, рассматривает семантические группы лексем по отдельности: например, одно исследование посвящено группе лексем движения в воде, другое — семантическому полю боли и т. п. Каждая из групп описывается с достаточно высокой степенью детализации. Настоящая глава решает иную задачу. В ней рассматривается сразу 18 семантических групп мокшанской лексики, описывающей качественные признаки (полный список приведен в разделе 32.1.3). Такое обсуждение неизбежно менее подробно в частных аспектах, однако оно призвано проанализировать наиболее важные черты устройства мокшанской признаковой лексики как единой системы. Под системностью понимается, во-первых, релевантность одних и тех же семантических противопоставлений как для разных полей, так и для одних и тех же полей в разных языках, а во-вторых, регулярное воспроизведение семантических переходов и моделей полисемии на основе этих противопоставлений. Признаковая лексика (уже достаточно подробно изученная в лексической типологии) оказывается подходящим материалом для выявления подобных закономерностей. Во-первых, многие признаковые слова (ср. ‘острый’, ‘старый’, ‘твердый’ и пр.) актуальны для разных языков и культур, тогда как, например, предметные имена часто географически или культурно специфичны (ср. достаточно обширную оленеводческую терминологию в языках, носители которых традиционно занимаются оленеводством). Во-вторых, как следует из эмпирических данных, разные

---

¹ Авторы благодарят Г. И. Кустову за многочисленные ценные комментарии к предварительной версии данной главы.

поля признаковой лексики в некоторых случаях подчиняются одним и тем же семантическим закономерностям.

32.1.2 Предшественники и смежные проекты

В мордовском языкознании есть работы, посвященные рассмотрению лексики как системы, ср. в особенности [Бузакова 1977] и [Цыганкин 1983]. Однако основной упор в этих исследованиях делается скорее на то, чтобы вписать данные мордовских языков в терминологический аппарат, разработанный в русистике, ср. здесь формулировку из [Бузакова 1977: 3]: «Теоретической основой при рассмотрении вопросов синонимии мордовских языков... послужили главным образом исследования русских и советских лингвистов, разработавших проблемы синонимии», — и следующее затем обилие ссылок на публикации русистов (А. А. Реформатского, Е. М. Галкиной-Федорук, Г. О. Винокура, А. Н. Гвоздева, Д. Э. Розенталя и др.). При этом конкретные семантические противопоставления, возникающие внутри различных полей, в этих работах, как правило, не обсуждаются (или обсуждаются очень поверхностно). Типологический аспект исследования не затрагивается в традиционных работах вовсе.

В то же время поставленные в настоящей главе теоретические проблемы уже имеют определенную историю разработки. Системные закономерности организации признаковой лексики рассматривались на материале русского языка в проекте по созданию базы данных качественных прилагательных и наречий, см. [Рахилина и др. 2010b; Архангельский и др. 2010; Карпова и др. 2011; Рыжова и др. 2011; Reznikova et al. 2013].

Непосредственным расширением исследования русских данных, близким к нашим задачам, является разрабатываемая в настоящее время типологическая база данных признаковой лексики, см. о ней [Резникова и др. 2013]. В рамках этого проекта изучаются механизмы семантических сдвигов, а также добавляется еще одно измерение — сопоставление того, как в разных языках устроены исходные значения лексем (например, невозможно адекватно сопоставить метафоры признака ‘острый’ в разных языках без понимания того, что стоит за соответствующими лексемами в каждом конкретном языке: обозначение режущих предметов, или колющих инструментов, или наблюдаемых издалека предметов заостренной формы типа вершины горы, и др.). Это позволяет проследить воспроизводимость одних и тех же противопоставлений в разных полях, которая представляет важную проблему и для настоящей главы.

Важный опыт системного исследования признаковой лексики на материале одного языка представлен в диссертации [Холкина 2014]. Эта работа, также следующая теоретическому подходу Е. В. Рахилиной, рассматривает пять признаковых полей китайского языка: ‘острый’ — ‘тупой’; ‘полный’ — ‘пустой’; ‘скользящий’, ‘гладкий’, ‘ровный’ — ‘шершавый’, ‘шероховатый’; ‘мягкий’ — ‘твердый’; ‘тяжелый’ — ‘легкий’. Исследование Л. С. Холкиной показало, что, хотя китайский материал представляет ряд новых фреймов и моделей полисемии, ранее не засвидетельствованных в лексической типологии, в целом данные китайского языка отвечают типологическим прогнозам и регулярно воспроизводят параметры устройства лексических систем, отмеченные в европейских языках. В свою очередь, лексическая типология оказывается, согласно [Холкина 2014], важна для практической лексикографии, позволяя детализировать словарные описания нескольких десятков китайских признаковых лексем. Попытка исследования подобного рода предпринимается и в этой главе.

32.1.3 Рассмотренные поля

Ниже приводится список семантических групп, охватываемых данным исследованием. В этот список вошли, разумеется, не все семантические группы, которые можно выделить в лексике мокшанского языка, но только те, для исследования которых существуют типологические анкеты, проработанные в рамках проекта. Группам даются условные русские ярлыки, рядом с которыми приводятся соответствующие мокшанские лексемы. При тех темах, по которым имеются развернутые публикации участников мокшанских экспедиций, даются ссылки на эти публикации.

- Температура: ‘горячий’ (*ps'i*), ‘холодный’ (*kel'mə, jaks'amə*), ‘теплый’ (*l'embə*), ‘прохладный’ (*ešə*).
- Размеры: ‘глубокий’ (*kəṛka, ser'i*), ‘мелкий, неглубокий’ (*mac'e, aln'e*), ‘высокий’ (*ser'i*), ‘низкий’ (*aln'e*), ‘длинный’ (*kuvaka*), короткий (*n'uṛken'e*), ‘широкий’ (*kel'i*), ‘узкий’ (*t'ejn'e*), ‘толстый’ (*ečkə*), ‘тонкий’ (*šuvan'e*).
- Цветообозначения: ‘красный’ (*jaks't'ər*), ‘желтый’ (*t'užε*), ‘синий’ (*sen'am*), ‘белый’ (*akšə*), ‘черный’ (*ravžə*), ‘зеленый’ (*senger'e, pižə*) и др.
- ‘Светлый’, ‘яркий’ (*valdə, svetlaj, akšə*) — ‘темный’, ‘тусклый’ (*topədə, šopədə*).
- Фактура поверхности: ‘скользящий’ (*valaz'e, gur'kstəms²*), ‘гладкий’ (*vad'av*), ‘ровный’ (*vid'ə*) — ‘морщинистый’, ‘сморщенный’ (*kir'anžaf, pužf*), ‘шершавый’, ‘шероховатый’ (*kaz'amə*) [Кашкин 2013а: 160–172].
- ‘Мягкий’ (*l'epə*) — ‘твердый’, ‘жесткий’ (*kemə, kalgəda*) [Павлова 2014: 130–149].
- ‘Тугой’ (*kemə*), ‘loose’³ (*lafčə*) [Бобрёноква, Закирова 2016].
- ‘Прямой’ (*vid'ə*) — ‘кривой’, ‘косой’ (*kičkər, šir'em*).
- ‘Острый’ (*orža, pika, ker'i*), ‘тупой’ (*noška*) [Бикина 2013].
- ‘Сухой’ (*kos'kə*) — ‘мокрый’, ‘влажный’, ‘сырой’ (*načkə, l'et'kə*) [Кожемякина 2013].
- ‘Старый’ (*sir'ə, taštə*) — ‘молодой’, ‘новый’ (*od*) [Никифорова 2013а; Кашкин, Никифорова 2016].
- ‘Густой’, ‘частый’ (*tusta, s'id'ə*) — ‘редкий’ (*šura, šongar*).
- ‘Тихий’ (*s'et'mə, salavə, savər, valəm*) — ‘громкий’ (*viškə, kajgi, ver'gə*).
- ‘Быстрый’ (*viškə, kurək*) — ‘медленный’ (*salavə, valəm*) [Дрофа 2015].
- ‘Слепой’ (*sokər*).
- ‘Чистый’, ‘прозрачный’ (*valdə, čistaj, aru, ur'adnaj, ur'adaf*) — ‘грязный’, ‘мутный’ (*urdazu, vad'an't'f, šor'af, mutnaj*) [Сидорова 2016].
- ‘Голый’ (*štadə, kəṛtapə, goləš, golaj*).
- ‘Полный’ (*pešks'ə*) — ‘пустой’ (*šavə*).

32.1.4 Структура главы

Настоящая глава имеет следующую структуру. В разделах 32.2 и 32.3 на примере нескольких полей иллюстрируются преимущества типологического подхода при описании лексики. Раздел 32.2 иллюстрирует значение лексической типологии для более

² Фреймы скользких поверхностей могут описываться в мокшанском языке глаголом *gur'kstəms* ‘скользить’. Похожая картина встречается и во многих других языках, см. [Кашкин 2013а].

³ В данном случае в качестве ярлыка для поля используется английская лексема, поскольку в русском языке нет соответствующего прилагательного с широкой семантикой. Подробнее см. [Бобрёноква, Закирова 2016] и раздел 32.4.4.

детального описания и глубокого понимания мокшанской признаковой лексики. Раздел 32.3 посвящен некоторым типологически интересным находкам в мокшанском материале. После обсуждения частных примеров мы перейдем к обобщениям, затрагивающим мокшанскую признаковую лексику в целом. Этому посвящены разделы 32.4 и 32.5: в разделе 32.4 обсуждаются повторяющиеся в разных полях противопоставления между прямыми значениями признаков лексем, а в разделе 32.5 — модели семантических сдвигов в мокшанском языке. Наконец, в разделе 32.6 будут подведены итоги.

32.2 Предсказания лексической типологии в исследовании признаковой лексики мокшанского языка

В данном разделе рассматривается лексика из семантических групп ‘мокрый’ — ‘влажный’ и ‘светлый’ — ‘темный’, а также обсуждается категоризация высокой скорости (‘быстрый’). На этих примерах описание лексики мокшанского языка, основанное на материале словарей, сравнивается с результатами применения типологического подхода. На основе типологических исследований можно сделать ряд предсказаний относительно организации соответствующих семантических полей. Такие предсказания позволяют выявить дополнительные дифференциальные признаки, релевантные для описания соответствующих лексем, не отраженные в словарях.

32.2.1 ‘Мокрый’, ‘влажный’, ‘сырой’

Мокшанские прилагательные *načkə* и *l'et'kə*, выражающие семантику ‘содержащий влагу в себе или на себе’, упоминаются в некоторых работах, посвященных лексике мурдовских языков. В [Бузакова 1977: 17–18; Цыганкин 1983: 63] об этих лексемах и об их эрзянских когнатах *начко* и *летьке* утверждается, что они противопоставлены по степени содержания влаги (более значительная степень для *načkə* и менее значительная для *l'et'kə*). Действительно, на русский язык словосочетание *načkə mus'kəm* говорящие переводят как ‘мокрое белье’, а *l'et'kə mus'kəm* как ‘влажное белье’ (ср. также *načkə moda* ‘мокрая земля’ vs. *l'et'kə moda* ‘влажная земля’). Кроме того, по отношению к сырому помещению, как правило, используется лексема *l'et'kə*. Те, кто в принципе допускает в таком контексте лексему *načkə*, соотносят ее в первую очередь с ситуациями, когда внутрь помещения течет вода с крыши или когда в помещении настолько сыро, что от стен отходят обои.

Ограничение одним признаком степени увлажнения, однако, не соответствует типологическим предсказаниям. Как показано на материале 18 языков в [Kruglyakova, Reznikova 2013], на выбор между лексемами с семантикой наличия влаги влияет не только параметр степени (как это обычно преподносится в лексикографических описаниях), но и целый ряд других параметров, например длительность периода наличия влаги, тип восприятия признака, оценка и нек. др. Было обнаружено, что и в мокшанском языке выбор между лексемами *načkə* и *l'et'kə* не во всех случаях может быть объяснен путем обращения к фактору степени. Во многих ситуациях предпочтительность лексемы *načkə* либо *l'et'kə* определяют другие свойства конкретного контекста.

Во-первых, рассматриваемые прилагательные различаются по длительности периода наличия влаги. Лексема *načkə* может характеризовать длительный период наличия признака либо постоянную характеристику объекта, тогда как лексема *l'et'kə* совместима с такими контекстами не во всех идиолектах, см. (1)–(2).

- (1) *t'ε pek piz'am-u vasc', i moda-s' tosə*
 этот очень дождь-ATTR место.DEF.SG и земля-DEF.SG там
xros' načkə | ?l'et'kə
 всегда мокрый влажный
 'Это очень дождливое место, и земля там всегда сырая'.

- (2) *jota-j s'oks'a-s' ul'-s'*
 пройти-PTCP.ACT осень-DEF.SG быть-PST.3[SG]
piz'am-u | načkə | ?l'et'kə
 дождь-ATTR мокрый влажный
 'Прошлая осень была дождливая'.

Временное свойство объекта (например, промокших ботинок, вспотевшего человека, белья после стирки, мокрой травы, отсыревших дров, только что вымытого пола) может быть описано обеими лексемами в зависимости от других семантических признаков. Так, во многих идиолектах дрова из свежей древесины характеризуются лексемой *načkə*, но не лексемой *l'et'kə* (3). В такой древесине сохраняется большой процент влажности, что является постоянным признаком растущего дерева. Дрова же, содержащие влагу в результате внешнего воздействия (например, если они лежали под дождем или в сыром помещении), могут быть описаны как лексемой *načkə*, так и лексемой *l'et'kə*, отличающимися в данном случае по параметру степени увлажнения. В этом случае речь идет о временном признаке объекта.

- (3) *čas-ctə ingəl'-i ker'-əs'k pen'ge-t'n'a-n'*
 час-EL перед-ILL рубить-PST.3.O.1PL.S дрова-DEF.PL-GEN
s'in' n'ingə načk-t | ?l'et'k-t
 они еще мокрый-PL влажный-PL
 'Час назад срубили дрова, они еще сырые (не просохшие)'.

Во-вторых, на выбор между лексемами *načkə* и *l'et'kə* влияет и тип восприятия признака — зрительный vs. тактильный. Этот параметр работает в ситуациях временного наличия влаги. Прилагательное *načkə* отвечает в таких случаях за зрительное восприятие, описывая объекты, наличие влаги на которых может быть установлено на основании визуального ощущения, без прикосновения к ним. Так, в примере (4), содержащем эксплицитное указание на визуальный канал восприятия, предпочтительной оказывается лексема *načkə* (ср. также комментарий одного из информантов по поводу альтернативного варианта: «*l'et'kə* — щупать надо»).

- (4) *mon ve!t'a-ma-t' lank-s van-an,*
 я накрыть-NZR-DEF.SG.GEN на-ILL смотреть-NPST.1SG
i n'ej-sa son načkə | ?l'et'kə
 и видеть-NPST.3SG.O.1SG.S он мокрый влажный
 'Я на одеяло смотрю и вижу, что оно сырое'.

В свою очередь, прилагательное *l'et'kə* указывает на тактильное восприятие. Для него характерно употребление в тех контекстах, когда зрительно наличие влаги выявить затруднительно, см. пример (5) с эксплицитным указанием на тактильный канал восприятия.

- (5) *van-at mus'kəm-t' lank-s bətə kos'kə,*
 смотреть-NPST.2SG белье-DEF.SG.GEN на-ILL будто сухой
a varža-sak kəcə-t l'et'kə | ?načkə
 а трогать-NPST.3SG.O.2SG.S рука.IN-2SG.POSS влажный мокрый
 'Посмотришь на белье, вроде сухое, а потрогаешь рукой — мокрое'.

Как мы видим, выбор между прилагательными *načkə* и *l'et'kə* связан не только со степенью увлаженности объекта, но и с другими параметрами: продолжительностью наличия влаги на /в объекте и типом восприятия (зрительным или тактильным). В данном случае типологический подход позволил выявить языковые факты, ускользнувшие от внимания предшественников, и представить более детальное описание об-суждаемого семантического поля.

32.2.2 Категоризация высокой скорости

Семантика высокой скорости выражается прилагательным *viškə* 'быстрый' и производным от него наречием *viškstə* 'быстро', а также наречиями *kurək* и *kurəkstə*. В большинстве идиолектов лексемы *viškə* и *viškstə* описывают скорость протекания процесса (т. е. имеют дуративную интерпретацию в терминологии [Rakhilina, Plungian 2013]), ср. (6)–(8), а прилагательное *viškə* может характеризовать агенса или эффектора такого процесса: *viškə numəl* 'быстрый заяц', *viškə mašina* 'быстрая машина', *viškə l'ej* 'бурная река'. Лексемы *kurək* и *kurəkstə* в большинстве идиолектов описывают дистанцию во времени между точкой отсчета и тем событием, которое они характеризуют (т. е. имеют имедиатную интерпретацию в терминологии [Rakhilina, Plungian 2013]), см. (7)–(8).

- (6) *s'ora-n'ε-s' višk-stə las'k-i*
 мальчик-DIM-DEF.SG быстрый-EL бежать-NPST.3[SG]
 'Мальчик быстро бежит'.
- (7) *s'ora-n'ε-s' kurək | kurək-stə las'k-i*
 мальчик-DIM-DEF.SG скоро скоро-EL бежать-NPST.3[SG]
 'Мальчик скоро прибежит'.
- (8) *is'akəmbə juma-ft-in'ə s'elmə-van-əma-n'ə-n'*
 вчера пропадать-CAUS-PST.3.O.1SG.S глаз-смотреть-NZR-1SG.POSS.PL-GEN
no kurək | kurək-stə | *višk-stə mu-jn'ə
 но скоро скоро-EL быстрый-EL находить-PST.3.O.1SG.S
 'Вчера я потеряла очки, но вскоре их нашла'.

Наибольший интерес в свете типологических уточнений словарных данных представляют лексемы *viškə* и *viškstə*. Обнаружить подробного их описания в работах по мордовской лексикологии не удастся. Словарь литературного мокшанского языка [Се-ребренников и др. (ред.) 1998: 122–123] предлагает о них достаточно отрывочную ин-

формацию. Прилагательному *вишке*⁴ в словаре приписаны следующие значения (в скобках при значениях приводится перевод примеров, которые дает словарь): 1. 'сильный, обильный' (сильный ураган, сильный мороз); 2. 'большой, людной' (большой базар накануне Масленицы); 3. 'напряженный, упорный' (упорная работа). Наречие *вишкста*, в свою очередь, истолковано (с. 123) в словаре так: 1. 'сильно' (сильно билось сердце); 2. 'быстро' (тучи плывут быстро), 3. 'проворно, расторопно, ловко' (ловко вязать снопы), а кроме того, ему приписано употребление в функции прилагательного в значении 'быстрый'.

Как показывают полевые данные, значение высокой скорости у лексем *viškə* и *viškstə* является частным случаем семантики интенсификации, свойственной этим лексемам в более широком наборе контекстов. Этот материал проверялся с опорой на теоретические работы [Рахилина и др. 2010b; Рыжова 2012], где содержатся списки такого рода контекстов. Так, лексемы *viškə* и *viškstə* описывают громкий звук (*viškə rakama* 'громкий смех', *viškstə kortaj* 'громко говорит'); природные явления, имеющие интенсивные проявления (*viškə varma, lov, piz'əm* 'сильный ветер, снег, дождь'); физиологическое состояние (*viškə urma* 'сильная, интенсивно развивающаяся болезнь'). Согласно [Вершинин 2004: 52], лексема *viškə* деривационно связана с существительным *vij* 'сила' (применимым к физической или душевной силе, но, что важно, не к скорости). Тем самым, значение высокой скорости для нее не первично.

Приведенные данные вписываются в типологический анализ категоризации высокой скорости, содержащийся в [Rakhilina, Plungian 2013]. В этой работе отмечается, что семантика высокой скорости часто развивается вторично из других значений лексемы, например из семантики действия, при котором субъект, объект или инструмент перемещается с высокой скоростью ('бежать', 'бросать', 'хватать' и т. п.), или из значений, предполагающих существование активного одушевленного субъекта ('живой', 'веселый'), или из семантики признаков типа 'острый' или 'легкий', носители которых обладают способностью к быстрому перемещению. Существительное 'сила' и элементы его словообразовательного гнезда не обсуждаются в [Rakhilina, Plungian 2013] как источники лексем со значением 'быстрый', но семантически вполне вписываются в выделенный набор классов источников.

В рассмотренном случае типологический подход помогает более детально описать факты мокшанского языка, не отраженные в словаре (инвентарь контекстов интенсификации, характерный для лексем *viškə* и *viškstə*). Кроме того, как и предсказывает типология, значение высокой скорости для этих лексем вторично. Данный вопрос также не обсуждался в предшествующих описаниях мордовской лексики.

32.2.3 'Светлый', 'темный'

В мокшанском языке представлены два прилагательных, соответствующих признаку 'темный' (подробнее об их типологии см. [Новикова 2014]). Эти лексемы имеют семантические и сочетаемостные ограничения, не отраженные в словарях.

В [Серебренников и др. (ред.) 1998: 725; 871] приводится два синонимичных прилагательных с семантикой 'темный' — *тобда* и *шобда*. Однако дистрибуция этих лексем,

⁴ При обсуждении словарных толкований написание лексем цитируется в соответствии с тем, как оно дано в словаре.

по нашим данным, не совпадает. Лексема *šopədə* ‘темный’ (соответствующая литературному *шобда*) является доминантной и может использоваться во всех базовых классах фреймов, выделенных в [Новикова 2014]: источники света (9); неосвещенные пространства (10); оттенок цвета (11).

- (9) *sveča-s' ul'-s' pek šopədə štabə luv-əm-s*
 свеча-DEF.SG быть-PST.3[SG] очень темный чтобы читать-INF-ILL
 ‘Свеча светила слишком тускло (букв. была слишком темной), чтобы читать’.
- (10) *s'embə-də šopədə komnata-s' kuca ul'-s'*
 все-ABL темный комната-DEF.SG дом.IN быть-PST.3[SG]
kladovka-s'
 кладовка-DEF.SG
 ‘Самой темной комнатой в доме была кладовка’.
- (11) *jalga-n'ə-n' m'el'-s' iz' tu*
 друг-1SG.POSS.PL-GEN желание-DEF.SG NEG.PST[3SG] уйти
maša-n' od šopədə jupka-c
 Маша-GEN новый темный юбка-3SG.POSS.SG
 ‘Подругам не нравилась Маша новая темная юбка’.

В свою очередь, лексема *topədə* может описывать только объекты темного цвета, как в (12)–(13). Это прилагательное не может характеризовать источник света или неосвещенные пространства. Конструкции с указанием конкретного цвета, как в (13), возможны и для лексемы *šopədə*.

- (12) *vas'ε sa-s' af mazi topədə panar-sə*
 Вася прийти-PST.3[SG] NEG красивый темный рубашка-IN
 ‘Вася пришел в некрасивой темной рубашке’.
- (13) *sl'iva-s' topədə sen'əm*
 слива-DEF.SG темный синий
 ‘Слива темно-синяя’.

Тем самым сфера употребления лексем *šopədə* и *topədə* действительно пересекается в контекстах темного цвета, однако абсолютными синонимами они не являются. В свою очередь, в использованной типологической работе [Новикова 2014] встретившееся в мокшанском языке различие между фреймами источников света и оттенков цвета отмечено как регулярное, и понимание этого факта позволяет уточнить доступные из словаря мокшанские данные и проанализировать их так, чтобы они были сопоставимы с данными других языков. Что касается лексемы *valdə* ‘светлый, яркий’, она допустима и по отношению к источникам света либо освещенному пространству, и по отношению к цвету. Тем самым семантические зоны наличия и отсутствия света организованы в мокшанском языке асимметрично. При характеристике цвета более частотны примеры с конкретным цветообозначением (*valdə senger'ε panar* ‘светло-зеленое платье’), а без такого цветообозначения носители отдают предпочтение русскому заимствованию *svetlaj* либо прилагательному *akšə* ‘белый’, которое может в некоторых случаях сдвигаться в зону ‘светлого’.

32.3 Вклад данных мокшанского языка в лексическую типологию

В данном разделе обсуждаются те группы признаковой лексики, на материале которых обнаруживаются семантические противопоставления, ранее не зафиксированные или не описанные подробно на материале других языков.

32.3.1 ‘Молодой’, ‘новый’

Для обозначения признаков ‘молодой’ и ‘новый’ в мокшанском языке используется прилагательное *od*:

- (14) *kiš-n'ə-mə*   *jaka-ŋ-t'*   *od*   *ava-t*
танцевать-FREQ-INF   ходить-NPST.3-PL   новый   женщина-PL
i   *od*   *al'a-t*
и   новый   мужчина-PL
‘На танцы ходят молодые женщины и молодые мужчины’.

- (15) *mon*   *t'eči*   *mol'an*   *od*   *jalga-z't'i*
я   сегодня   идти-NPST.1SG   новый   друг-1SG.POSS.SG.DAT
son'-d'ejə-nzə   *s'iz'gemən'*   *kizə*
он.OBL-PRON.DAT-3SG.POSS   семьдесят   год
‘Я сегодня иду к новому другу. Ему 70 лет’.

- (16) *son*   *suva-s'*   *od*   *kuc,*   *kona-n'*   *tol'kə*   *što*
он   войти-PST.3[SG]   новый   дом.ILL   который-GEN   только   что
stroje-z'
строить-PST.3.0.3PL.S
‘Он поселился в новом доме (букв. вошел в новый дом), который только что построили’.

В лексической типологии признаки ‘молодой’ и ‘новый’ исследованы пока существенно хуже, чем антонимичный им признак ‘старый’ (о котором см. [Taylor 1992; Рахилина 2000/2008: 197–213; Кузьмина 2011; Rakhilina, Marushkina 2013]). Однако в доступных типологических данных выражение признаков ‘молодой’ и ‘новый’ одной лексемой встречается отнюдь не повсеместно, см. здесь и материал других уральских языков, изложенный в [Цыпанов 2007] и не содержащий такого совмещения, и сведения из близлежащих языков средневропейского стандарта (ср. рус. *новый* — *молодой*, англ. *new* — *young*, франц. *nouveau* — *jeune* и др.). Аналогичная мокшанской организация поля ‘молодой’ — ‘новый’ обнаруживается, в частности, в албанском языке, где оба эти значения выражаются одним прилагательным — *i ri/e re*, см., например, *drejtori i ri i shkollës* ‘новый директор школы’, *djalë i ri* ‘молодой парень’, *shtëpia e re* ‘новый дом’⁵. По сведениям, содержащимся в базе данных CLICS Crosslinguistic Colexifications [List

⁵ Албанский материал предоставлен М. М. Макарецевым (ответственность за его интерпретацию лежит, однако, полностью на авторах настоящей главы). Прилагательные в приведенных примерах располагаются в постпозиции к определяемому существительным; *i* и *e* — согласовательные артикли мужского и женского рода соответственно; *ri* и *re* — формы прилагательных мужского и женского родов.

et al. 2014], <http://clics.lingpy.org/>) такое совмещение характерно, помимо албанского, еще для 11 языков. Такое число зафиксированных совмещений, по-видимому, является для CLICS далеко не самым частотным, ср., допустим, фиксацию полисемии ‘catch’ & ‘seize, grasp’ в 71 языке. Из 12 языков, приводимых в выдаче CLICS, 8 расположены за пределами Европы — тем самым мокшанский материал не вполне стандартен в артельной перспективе.

Кроме того, мокшанские данные демонстрируют существенную асимметрию в организации антонимичных семантических зон поля ‘старый’ — ‘молодой’, ‘новый’. Если поле ‘молодой’ содержит всего одну лексему, то зона ‘старый’ представлена тремя лексемами (*sir’ə*, *taštə*, *kunardən*’, см. раздел 32.3.2). Из этого, в частности, следует, что семантическая типология признаков ‘молодой’ и ‘новый’ не может быть исчерпывающе построена простым переложением выводов, сделанных при исследовании признака ‘старый’, и нуждается в дополнительном исследовании.

32.3.2 ‘Старый’, ‘старинный’

Распределение мокшанских прилагательных зоны ‘старого’ (*sir’ə*, *taštə*, *kunardən*’), о которых пойдет речь в этом разделе, соответствует общим типологическим представлениям об устройстве этой зоны (см. [Rakhilina, Marushkina 2013]), но включает некоторые аспекты, пока не учтенные в типологии. Отдельное более детальное сопоставление мокшанского материала с материалом русского языка (в частности, с данными Национального корпуса русского языка) позволяет выявить некоторые интересные аспекты в семантике и мокшанских, и русских лексем, значимые для типологии. Ниже приводятся основные итоги этого исследования (более подробные данные можно найти в [Никифорова 2013а; Кашкин, Никифорова 2016]).

Лексема *sir’ə* является доминантной в этом поле и может описывать как живых существ, так и любые неодушевленные предметы. Что же касается лексемы *taštə*, то она имеет более узкую сферу употребления. Во-первых, в отличие от *sir’ə*, она не сочетается с названиями людей и животных, применяясь только к неодушевленным предметам. Во-вторых, она указывает на нефункциональность предмета и на сопутствующую ей отрицательную оценку. Так, словом *taštə* можно описать ветхий дом, обветшалую одежду, трухлявое дерево, см. следующий пример:

- (17) *t’ε pek taštə kuc’, son uže kalad-i*
 этот очень старый дом.DEF.SG он уже разваливаться-NPST.3[SG]
 ‘Это очень старый дом, он уже разваливается’.

Мокшанское прилагательное *taštə* и русское прилагательное *ветхий* не являются полными переводными эквивалентами. Лексема *ветхий* описывает старые объекты, разрушающиеся по причине большого возраста: *ветхие купюры* — это не просто старые купюры, а купюры, едва ли не превращающиеся в пальцах в труху, *ветхий дом* — обязательно разваливающийся дом, с дырами в крыше и в полу. Прилагательным *ветхий* можно описать жильё, платье, тряпку, но не то, что сохраняет полную целостность, достигая «старости», например, хлеб, молоко, картошку.

Прилагательное *taštə* содержит компонент отрицательной оценки старого объекта, потерявшего функциональность, но не обязательно из-за разрушения. Так, возможно употребление лексемы *taštə* при описании не только разваливающихся домов и истон-

чившихся платьев, но и черствого хлеба, прокисшего молока, сгнившей и сморщенной картошки. Если для русского прилагательного *ветхий* центральной является идея разрушения объекта, то для мокшанского *taštə* — идея нарушенной функциональности и сопутствующей отрицательной оценки.

Другое мокшанское прилагательное из семантической зоны ‘старого’, *kunardən*, деривационно связанное с *kunarə* ‘давно’, передает идею значительной отдаленности времени возникновения объекта от момента речи:

- (18) *kunardən*’ *lomat*’-*t*’*n*’ə   *er*’*ε*’-*s*’-*t*’   *piščera*-*sə*
 древний   человек-DEF.PL   жить-PST.3-PL   пещера-IN
 ‘Древние люди жили в пещерах’.
- (19) *vel*’*ə*’-*t*’   *kraj*-*sə*   *ašč*’-*i*   *kud*
 село-DEF.SG.GEN   край-IN   быть-NPST.3[SG]   дом
son *kunardən*’, *son*’-*d*’*ejə*-*nzə*   *s*’*adə* *kizə*, *no* *son* *n*’*ingə* *taza*
 он   старый   он.OBL-PRON.DAT-3SG   сто   лет   но   он   еще   крепкий
 ‘На краю села стоит дом. Он старый, ему сто лет, но он еще крепкий’.

В то же время прилагательное *kunardən*’ имеет более широкую семантику и сочетаемость по сравнению с любым из русских прилагательных той же зоны (в частности, *старинный*, *древний*, *вековой*). Например, оно может описывать рубашку, которую кто-либо продолжает носить, мозоль, картошку, хлеб или молоко. Упомянутые русские прилагательные в таких контекстах невозможны (а возможное словосочетание *старинная рубашка* применимо скорее к музейному экспонату, чем к современной повседневной одежде). Согласно анализу существительных *старина* и *древность*, предложенному в [Апресян (ред.) 2004: 1105–1106] и, по-видимому, переносимому на прилагательные *старинный* и *древний*, для этих лексем значим, среди прочего, параметр отдаленности обозначаемой эпохи. Как утверждается в указанной работе, верхняя граница *старины* — это время, когда жили деды и прадеды говорящего, при этом *старина* охватывает период в несколько веков, но не более отдаленное время. В свою очередь *древность* может соотноситься с более отдаленным прошлым, например с началом истории человечества. В мокшанском языке подобной системы оппозиций не выделяется: лексема *kunardən*’ кодирует отдаленный по времени от момента речи период, в том числе и вложенный в период жизни одного поколения.

Таким образом, анализ лексем поля ‘старый’ в мокшанском языке выявляет ряд тонких семантических различий, пока не описанных подробно в типологических работах. Для лексем, описывающих «ветхость», это возможная комбинация семантики большого возраста не только с идеей разрушения, но и с отрицательной оценкой (не обязательно вызванной разрушением предмета). Для лексем из зоны большой временной дистанции это описанное противопоставление по «глубине» дистанции.

32.3.3 Прилагательные размера

В семантическом поле прилагательных размера, а именно в зоне вертикального размера (‘высокий’, ‘низкий’, ‘длинный’, ‘короткий’ и т. д.), зафиксировано совмещение в одной лексеме значений из зон ‘глубокого’ и ‘высокого’. Так, например, прилагательное *ser’i* имеет значение ‘глубокий’ в (20) и ‘высокий’ в (21):

- (20) *kud-n'əkə-n'*   *mala-s*   *šuv-s'-t'*   *ser'i*   *lotkə*
 дом-1PL.POSS-GEN   близкий-ILL   рыть-PST.3-PL   глубокий   яма
 'Около дома вырыли глубокую яму'.
- (21) *mon*   *af*   *jota-v-an*   *ser'i*
 я   NEG   пройти-PASS-NPST.1SG   высокий
per'efks-t'   *vel'f-ka*
 забор-DEF.SG.GEN   через.верх-PROL
 'Я не могу перелезть через высокий забор'.

Полисемия зон 'глубокого' и 'высокого' широко распространена в финно-угорских языках: *tet* 'низкий / неглубокий' в хантыйском (тегинский говор), *джуджыд* 'высокий / глубокий' и *лякыд* 'низкий / неглубокий' в коми, *matala* 'низкий / неглубокий' в финском и др. В языках других семей такая полисемия в принципе встречается, но на сегодняшний день нет типологических сведений о том, чтобы она была столь широко распространена в пределах одной семьи (см. [Ryzhova et al. 2013; Kozlov, Privizentseva, forthc.]).

Кроме того, в различных языках объединение зон 'высокого' и 'глубокого' устроено по-разному, и мокшанский язык представляет не вполне тривиальный вариант ее организации. Так, упомянутая выше лексема *ser'i* входит в семантическую зону 'глубокого', но не может описывать глубоких объектов, заполненных водой. Для них применяется прилагательное *kərkə*. Это прилагательное имеет более широкую сферу употребления, включая описание объектов, не заполненных водой, ср. (22a) и (22b):

- (22) a. *volga-s'*   *kərkə* / **ser'i*   *l'ej*
 Волга-DEF.SG   глубокий   глубокий   река
 'Волга — глубокая река'.
- b. *al'ε-s'*   *šuv-s'*   *kərkə*   /   *ser'i*   *lotkə*
 мужчина-DEF.SG   рыть-PST.3[SG]   глубокий   глубокий   яма
 'Мужик вырыл глубокую яму'.

Таким образом, мокшанские данные дают основание добавить в типологически релевантные фреймы в зоне 'глубокого' дополнительный фрейм — заполненные водой объекты.

Для обозначения небольшого размера в вертикальном измерении в мокшанском есть два прилагательных, а именно *aln'ε* и *mac'ε* (ср. рус. *низкий*, *мелкий*, *неглубокий*). Однако семантика этих лексем не соответствует типичной для языков европейского стандарта системе, где одна лексема отвечает за обозначение высоты, а другая — за обозначение глубины. Прилагательное *mac'ε* используется только по отношению к заполненным водой объектам (например, по отношению к реке или озеру⁶). Большой интерес представляет прилагательное *aln'ε*, которое может использоваться как для обозначения высоты, так и для обозначения глубины, покрывая при этом только фрейм не заполненных водой емкостей. Ограничения на использование этих прилагательных, а также антонимичных им прилагательных *ser'i* и *kərkə* суммированы в Таблице 1⁷.

⁶ Заметим, что лексема с аналогичными ограничениями на употребление существует и в русском языке — прилагательное *мелкий*.

⁷ Ярлык «ямы» отсылает в Таблице 1 к объектам, не заполненным водой.

Таблица 1. Лексемы с семантикой ‘высокий’ и ‘глубокий’

Размер	Прилагательное	Контекст		
		Зона ‘высокого’	ямы	водоемы
Большой	<i>ser'i</i>	ОК	ОК	??
	<i>kəŋka</i>	*	ОК	ОК
Малый	<i>aln'ε</i>	ОК	ОК	??
	<i>mac'ε</i>	*	*	ОК

32.3.4 Прилагательные фактуры поверхностей

В семантической зоне фактуры поверхностей прилагательное *vad'av* ‘гладкий’ описывает поверхность как артефактов (доска, бумага), так и природных объектов (лист дерева, картошка). В то же время во многих идиолектах оно не сочетается с названиями частей тела (кожи, рук, лица). Вместо него в таких контекстах используется прилагательное *l'εpə* ‘мягкий’ (23)–(24), тем самым части тела характеризуются в этом случае по смежному признаку внутренней структуры предмета.

(23) *nara-m-də mel'ə šama-c l'εpə / ʔvad'av*
 брить-INF-ABL после.LOC лицо-3SG.POSS.SG мягкий гладкий
 ‘После бритья его лицо гладкое’.

(24) *l'iza pək mazi s't'ər'-s', ked'-ənzə*
 Лиза очень красивый девушка-DEF.SG рука-3SG.POSS.PL
l'εpə-n'a-t / ʔvad'av-n'a-t / ʔvad'af-t
 мягкий-DIM-PL гладкий-DIM-PL гладкий-PL
 ‘Лиза очень красивая девушка, ее руки мягкие (ʔгладкие)’.

Статус частей тела как особого фрейма в зоне фактуры поверхностей, по данным [Кашкин 2013а: 68–69], достаточно нетривиален типологически и был пока отмечен лишь в единичных случаях, ср. лексему *pajli* в хантыйском говоре с. Мужы (шурьшкарский диалект), имеющую значения ‘ровный’ и ‘гладкий’ и применяющуюся к гладким на ощупь артефактам, но не описывающую частей тела, или прилагательное *terso* в испанском языке, которое является специфичным именно для фрейма частей тела, одновременно указывая на блеск как дополнительный визуальный признак поверхности, например применительно к рукам или щекам [Спесивцева 2012: 35–37].

32.3.5 ‘Твердый’, ‘жесткий’

В мокшанской лексической системе фиксируется весьма нетривиальное распределение прилагательных с семантикой ‘твердый’, ‘жесткий’ (подробнее об их типологии, а также о мокшанских данных см. [Павлова 2014]). Эта зона обслуживается двумя лексемами — *kemə* и *kalgada*. Прилагательное *kemə* имеет широкую сочетаемость, описы-

вая различные типы еды (яблоко, морковь, картошку, мясо), мебели (кровать, стул), сыпучих веществ (землю, глину), части тела (живот, вымя). Прилагательное же *kalgəda* имеет целый ряд ограничений на сочетаемость. В первую очередь оно используется для характеристики гибких объектов — ткани, варежек, носков, покрывала. Однако это прилагательное может также характеризовать матрас (метонимически и кровать, но только такую, на которой есть матрас). Употребить в таких контекстах прилагательное *kemə* невозможно, см. следующие иллюстрации:

- (25) *acap-n'ə-n' langa ac'ə-s'-t' es' koda-f*
 матрас-DEF.PL-GEN на.PROL стелить-PST.3-PL свой ткать-PTCP.RES
vatula-t, s'a-t vagə kalgəda-t / *kemə-t
 покрывало-PL тот-PL вот жесткий-PL твердый-PL
 'На матрасы стелили самотканые покрывала, они вот жесткие'.

- (26) *mat'er'ijə-s' kalgəda / *kemə, mus'k-sak*
 ткань-DEF.SG жесткий твердый стирать-NPST.3SG.O.2SG.S
i l'epəm-i
 и размягчаться-NPST.3[SG]
 'Ткань жесткая, стираешь, и она размягчится'.

В применении к другим классам объектов прилагательное *kalgəda* становится своего рода промежуточной единицей на шкале твердости-мягкости между прилагательными *kemə* 'твердый' и *l'epə* 'мягкий'. Например, словосочетание *kemə modamar'* 'жесткая картошка' применяется прототипически в том случае, если картошку не варили вообще, а квазисинонимичное ему сочетание *kalgəda modamar'* описывает немного смягчившуюся, но еще не доваренную картошку. Аналогичная иллюстрация представлена в (27): живот коровы, максимально твердый в тяжелой стадии отравления, описывается лексемой *kemə*, тогда как смягчившийся живот характеризуется уже прилагательным *kalgəda*. Пара примеров в (28) иллюстрирует, в свою очередь, разную степень возможной деформации кожи и / или мышечной ткани при нажатии на части тела, характеризующиеся как *kemə* и *kalgəda*.

- (27) *traks-s' atravənda-v-s' pek-əc kemə,*
 корова-DEF.SG отравить-PASS-PST.3[SG] живот-3SG.POSS.SG твердый
traks-t'i maks-s'-t' gujar ved', pekə-c
 корова-DEF.SG.DAT дать-PST.3-PL огурец вода живот-3SG.POSS.SG
l'epəm-s', a to pekə-c kalgəda-l' n'ingə
 размягчаться-PST.3[SG] а то живот-3SG.POSS.SG жесткий-IMPF[3SG] еще
 'Корова отравилась, живот твердый, корове дали огуречный рассол, нутро очистилось, живот стал мягче, а то живот жесткий был еще'.

- (28) a. *kon'ε-s' kemə, suɣ-n'ə af pez-ij'-t'*
 лоб-DEF.SG твердый палец-DEF.PL NEG влезать-NPST.3-PL
 'Лоб твердый, пальцы не лезут'.
- b. *pl'εca-s' kalgəda, tozə suɣ-n'ə af pek pez-ij'-t'*
 плечо-DEF.SG жесткий туда палец-DEF.PL NEG очень влезать-NPST.3-PL
 'Плечи жестковатые, туда пальцы не совсем лезут'.

Разницу в значении обсуждаемых прилагательных можно также проиллюстрировать на примере их сочетания с существительным *moda* ‘земля’. Словосочетание *kemā moda* ‘твердая земля’ описывает состояние земли, при котором она не поддается деформации, например неоттаявшую землю. Словосочетание *kalgāda moda* ‘жесткая земля’ описывает состояние земли, при котором ожидается, что земля поддается деформации, однако хуже, чем можно было бы ожидать (например, когда в земле много твердых комков). Аналогично высохшая застывшая глина будет характеризоваться прилагательным *kemā*, а пластичная, но не очень легко поддающаяся деформации глина будет характеризоваться прилагательным *kalgāda*.

32.4 Регулярные противопоставления в признаковой лексике

В этом разделе обсуждаются эмпирические подтверждения системности признаковой лексики — речь пойдет о семантических оппозициях, воспроизводящихся в разных признаковых полях. Логически семантические противопоставления в признаковой лексике устроены по-разному. Некоторые из них могут быть релевантны только для одной семантической зоны, как, например, параметр степени увлажнения для зоны ‘мокрый’ — ‘влажный’ — ‘сырой’. Иные свойства потенциально применимы ко многим полям. Так, противопоставление по функциональности логически применимо к размеру, жесткости, температуре и проч., см. примеры из русского языка в [Рахилина 2000/2008; Кустова 2013]. Аналогично параметр положительной / отрицательной оценки признака логически не исключается для большинства признаковых полей. Далее будут рассматриваться противопоставления, релевантные для разных групп признаковой лексики.

32.4.1 Тип восприятия

Одним из семантических противопоставлений, воспроизводящихся в разных группах признаковой лексики, является тип восприятия признака. Основная оппозиция проявляется между тактильным и нетактильным способами восприятия, но конкретный вариант нетактильного восприятия варьирует в зависимости от семантического поля. В разделе 32.2.1 уже упоминалась значимость этого параметра для выбора между лексемами *naška* и *l'et'ka*, выражающими семантику **наличия влаги**. Ниже рассматриваются примеры из других семантических полей.

Для семантической области **фактуры поверхностей** (и, более конкретно, отсутствия неровностей) в типологической перспективе значимо противопоставление зрительного и тактильного восприятия [Кашкин 2013а]. Отсутствие неровностей воспринимается зрительно в случае участков местности (полей, лугов и проч.), а также артефактов сравнительно большого размера (например, частей строений — пола, стен и проч.). В русском языке такие ситуации, как правило, характеризуются лексемой *ровный*. С тактильным восприятием отсутствия неровностей мы имеем дело в случае небольших деревянных или металлических предметов, человеческой кожи, камешков и т. п. объектов, оцениваемых с этой точки зрения обычно на ощупь. В русском языке

такие контексты будут описаны прилагательным *гладкий*. Встречаются и такие случаи, когда обе группы фреймов описываются в языке одной и той же лексемой — что интересно, к таким языкам относится эзянский, где прилагательное *валаня* означает и ‘гладкий’, и ‘ровный’.

Для мокшанского языка оппозиция зрительного и тактильного способа в ситуациях отсутствия неровностей оказывается лексически значима. В контекстах тактильного восприятия применяется прилагательное *vad'av*, ср. *vad'av doskat* ‘гладкие доски’, *vad'av kagəd* ‘гладкая бумага’, *vad'av lopa* ‘гладкий лист’. За контекстами зрительного восприятия закреплена лексема *vid'ə* ‘прямой, ровный’ (о ее полисемии см. подробнее раздел 32.5.3): *vid'ə paks'at* ‘ровные поля’, *vid'ə vastə* ‘ровное место’, *vid'ə st'ina* ‘ровная стена’.

Противопоставление разных типов восприятия значимо также для лексем, описывающих температуру. Согласно [Кортъевская-Тамм (ed.) 2015], в этом семантическом поле типологически стандартна оппозиция тактильного восприятия, когда температура предмета определяется при касании (*теплый песок, холодная батарея*), и нетактильного. В нетактильной зоне, в свою очередь, противопоставляются личная температура (*мне холодно*) и температура среды, когда говорящий оценивает температуру окружающего его пространства, а не свои собственные ощущения (*холодная погода; холодный дом*).

Для мокшанского языка противопоставление тактильного и нетактильного типов восприятия оказывается значимым в «холодной» зоне поля температуры (в «горячей» зоне у прилагательных *ps'i* ‘горячий, жаркий’ и *l'embə* ‘теплый’ такой оппозиции не возникает): лексема *kel'mə* ‘холодный’ является доминантной лексемой данной зоны и описывает объекты с низкой температурой вне зависимости от типа восприятия, а лексема *jakšamə* ‘холодный’ не может употребляться для обозначения тактильно воспринимаемого признака. Так, для описания холодного после ночи песка, который говорящий воспринимает тактильно, может использоваться только *kel'mə* (29). Аналогично описывается и холодная стена (30).

(29) *ve-də mel'ə žuvar-s' kel'mə / *jakšamə*
ночь-ABL после.LOC песок-DEF.SG холодный холодный
‘После ночи песок холодный’.

(30) *st'ena kel'mə / *jakšamə*
стена холодный холодный
‘Стена холодная’.

При нетактильном восприятии равновозможны обе лексемы: *kel'mə | jakšamə s'oks'ə* ‘холодная осень’, *mon'd'ejən kel'mə | jakšamə* ‘мне холодно’. Семантических различий между этими лексемами в «нетактильных» контекстах (включая различие в степени проявления признака) обнаружено не было.

Лексема *ešə* ‘прохладный’ описывает не настолько низкую температуру, как *kel'mə* и *jakšamə*. Как и *jakšamə*, она используется только при нетактильном восприятии: *ešə varma* ‘прохладный ветер’, *mon'd'ejən ešə* ‘мне прохладно’; невозможно употребление этой лексемы, например, для описания температуры воды (**ešə ved'*), которая воспринимается тактильно.

32.4.2 Артефакты, природные объекты и их типы

Для признаковой лексики релевантно противопоставление характеризуемых объектов по таксономическому классу, в частности, противопоставление между природными объектами и артефактами, а также некоторые более дробные противопоставления, возникающие внутри этих классов. Значимым является и параметр одушевленности, рассматриваемый в этой же части, поскольку одушевленные имена являются одним из классов природных объектов.

В разделе 32.4.1 уже обсуждалась семантическая зона **фактуры поверхностей** и базовое для нее противопоставление зрительного и тактильного восприятия. Для данной семантической зоны в различных языках важен параметр ‘класс характеризуемых объектов’ (подробнее о типологии этой группы лексики см. [Кашкин 2013а]). Так, венгерское прилагательное *sík* ‘ровный’, относящееся к зрительной зоне, применимо в этой зоне только к природным объектам — обширным участкам местности (полю, лугу и проч.), тогда как ровные поверхности артефактов (пола, стены и т. п.) описываются лексемой *egyenletes*. Достаточно часто среди фреймов участков местности обособляется особый фрейм природных объектов — гладкая поверхность воды в водоеме. Это может проявляться в его кодировании не лексемами с семантикой ‘ровный’ или ‘гладкий’ (последняя нередко расширяется именно на этот фрейм зрительной зоны), а какими-либо лексемами из смежных полей, ср. в хантыйском языке *tewəp* ‘тихий’ или в удмуртском *шыпыт пукысь*, букв. ‘тихо сидящий’.

Последняя тенденция отражается и в мокшанском языке: поверхность воды не описывается ни прилагательным *vid'ə* ‘прямой; ровный’, ни прилагательным *vad'av* ‘гладкий’, которые могут характеризовать поверхности артефактов. Для описания поверхности воды используются, как и во многих других языках, смежные характеристики, ср. (31):

- (31) *εʹkə-n'ε-s'*   *af*   *šud'-i*,   *af*   *žer'k-i*
озеро-DIM-DEF.SG   NEG   течь-NPST.3[SG]   NEG   шевелиться-NPST.3[SG]
‘Пруд не течет, не шевелится’.

Противопоставление природного объекта и артефакта, а также одушевленность объекта оказываются релевантны в мокшанском языке для семантического поля **цвета**. Для большинства мокшанских лексем эти оппозиции не принципиальны: как правило, для каждого цвета или оттенка существует одно прилагательное, сочетающееся с любыми именами, способными обладать цветом, ср. *makəvaj pan'čf'* ‘розовый цветок’, *makəvaj panar* ‘розовое платье’, *makəvaj kud* ‘розовый дом’, *makəvaj ščoka* ‘розовая щека (румянец)’, *makəvaj n'oba* ‘розовое небо (закат)’. Однако, если существует сразу несколько лексем, описывающих оттенки одного цвета, указанные противопоставления могут оказаться значимыми.

В мокшанском языке представлено два прилагательных для обозначения зеленого цвета: *rižə* и *seŋger'e*. В ходе исследования, в котором носителям языка предъявлялись стимулы, различающиеся оттенками зеленого, не удалось выявить значимых различий между этими прилагательными. В то же время данные лексем различаются по сочетаемости. Прилагательное *seŋger'e* описывает любые объекты зеленого цвета. Прилагательное *rižə* сочетается в первую очередь с названиями растений и плодов:

pižā t'išā 'зеленая трава', *pižā šuftā* 'зеленое дерево (покрытое листьями)', *pižā mar'* 'зеленое яблоко', *pižā kstijt'* 'зеленые ягоды'. С названиями животных *pižā*, однако, не сочетается: *šenger'e* / *pižā vatrakš 'зеленая лягушка', *šenger'e* / **pižā n'et'kas* 'зеленая ящерица', *šenger'e* / **pižā cil'edi* 'зеленый кузнечик'. О зацветшей воде говорят *šenger'e*, но не *pižā. К названиям артефактов лексема *pižā* применима не во всех идиолектах, ср. *šenger'e zabor* и [?]*pižā zabor* 'зеленый забор'. Тем самым обозначения зеленого цвета в мокшанском языке обособляют подкласс природных объектов, а именно растения и плоды.

Еще один пример сочетаемостных ограничений, развиваемых цветообозначениями, представлен в случае с прилагательным *s'edoj* 'серый', которое конкурирует с лексемами *s'eraj* и *ul'ā*. Лексема *s'edoj* оказывается гораздо менее предпочтительной для описания артефактов, чем ее конкуренты, ср. *ul'ā kud* / *s'eraj kud* / [?]*s'edoj kud* 'серый дом'. Также не во всех идиолектах допустима сочетаемость этого прилагательного с названиями природных явлений и объектов, стоящих в иерархии одушевленности ниже животных. Сравним сочетаемость обсуждаемых прилагательных в следующих примерах с существительными, обозначающими природные объекты: *lovs' s'eraj* / *ul'ā* / [?]*s'edoj* 'снег серый'; *n'obas' s'eraj* / *ul'ā* / [?]*s'edoj* 'небо серое', *tumans' s'eraj* / *ul'ā* / **s'edoj* 'туман серый'; *s'eraj* / *ul'ā* / **s'edoj kačam* 'серый дым'. С названиями животных лексема *s'edoj* используется продуктивно (наряду с лексемами *s'eraj* и *ul'ā*), ср. *s'edoj alaša* 'серая лошадь', *s'edoj traks* 'серая корова', *s'edoj numal* 'серый заяц', *s'edoj šejər* 'серая мышь'.

Интересно также, что ни лексема *pižā*, ни лексема *s'edoj* не употребляется при описании цвета глаз: *šenger'e s'el'mət* / **pižā s'el'mət* 'зеленые глаза', *ul'ā s'el'mə* / *s'eraj s'el'mə* / **s'edoj s'el'mə* 'серые глаза'. Глаза оказываются особым классом природных объектов для зоны цветообозначения (ср. также в русском языке сочетание *карие глаза* с особым прилагательным для этого фрейма).

Противопоставление по одушевленности характеризуемого имени оказывается важным для семантического поля прилагательных **отсутствия покрытия** ('голый' и т. п.). Прилагательное *štadā* может описывать любой тип объектов (как природные, так и рукотворные), ср. (32)–(33), а также может употребляться применительно к человеку (34) или отдельным частям его тела (35). Однако прилагательное *kərtapə* 'обнаженный' употребляется только в случае, если речь идет о человеке без одежды (34).

(32) *moda-s'*   *štadā*   /   *kərtapə,   *mejə-vək*   *aš*
земля-DEF.SG   голый   обнаженный   что-ADD   NEG.EX
'Земля голая, ничего нет'.

(33) *t'e*   *kuc'*   *n'in'gə*   *af*   *stroja-f*
этот   дом.DEF.SG   еще   NEG   строить-PTCP.RES
s't'ina-t'n'ə   *štadā-t*   /   *kərtapə-t
стена-DEF.PL   голый-PL   голый-PL
'Этот дом еще не построен, стены голые'.

(34) *vas'e*   *is'ak*   *ešəl'e-s'*   *štadā*   /   *kərtapə*
Вася   вчера   купаться-PST.3[SG]   голый   обнаженный
'Вася вчера купался голым'.

- (35) *maša jaka-j ul'c'a-va štađə / *kərtapə pr'a-t*
 Маша ходить-NPST.3[SG] улица-PROL голый голый голова-PL
 'Маша ходит по улице с непокрытой головой'.

32.4.3 Функциональность

Параметр функциональности оказывается одним из ключевых для противопоставлений внутри признаковой лексики. Для носителей разных языков когнитивно значимо, какую функцию выполняет тот или иной предмет (если он вообще может выполнять какую бы то ни было функцию), и в результате этот параметр часто проявляется в лексической сочетаемости, см. многочисленные иллюстрации из русского языка в [Рахилина 2000/2008]. В конкретных примерах, которые будут обсуждаться далее, варианты проявления этого параметра могут быть различными: это может быть как просто наличие либо отсутствие функциональности у объекта, так и противопоставление по типам функционирования, релевантным для конкретного поля.

Как уже упоминалось в разделе 32.3.2, параметр функциональности значим в мокшанском языке для категоризации признака 'старый': лексема *taštə* описывает плохо функционирующие старые объекты. Кроме того, данный параметр проявляет себя в семантической зоне 'острый' (детальное описание соответствующих данных доступно в [Бикина 2013]). Типологически (см. [Кюсева, Рыжова 2010; Кюсева 2012]) лексемы этой зоны противопоставлены в первую очередь по тому, характеризуют ли они функционально значимую остроту предмета (нож, топор, игла, гвоздь и т. п. — артефакты, которые человек специально делает острыми для дальнейшего использования) или острую форму предмета, не используемую в ситуациях физического воздействия на другие объекты (нос человека, вершина горы)⁸. Во многих языках эти семантические зоны описываются одной и той же лексемой (ср. рус. *острый*). Для многих других языков признак функциональности оказывается лексически значимым. В таких языках прилагательные, характеризующие нож, иголку и др. подобные предметы, намеренно сделанные человеком острыми, не могут описывать форму предмета.

В мокшанском языке эта семантическая зона покрывается лексемами *orža*, *pika* и *ker'i*. Лексема *ker'i* (по своей морфологической структуре причастие от глагола *ker'əms* 'резать') описывает только функционально острые объекты линейной формы, причем как те, которые могут выступать инструментом глагола *ker'əms* (нож, ножницы), так и те, которые не встречаются в конструкции с данным глаголом, например косу, типичный аргумент глагола *l'ed'əms* 'косить':

- (36) *orža / ker'i pejel'əm-sə t'ožd'ε t'išə-n' l'ed'-əma-s'*
 острый острый коса-IN легкий трава-GEN косить-NZR-DEF.SG
 'Острой косой легко косить траву'.

⁸ «Функциональные» объекты подразделяются, помимо прочего, на два класса в зависимости от формы: линия (нож, топор и т. п. объекты с лезвием) vs. точка (игла, гвоздь и т. п. объекты с точечным острием). Интересно при этом, что в некоторых языках объекты с функциональным точечным острием могут описываться той же лексемой, что и объекты острой формы, относящиеся к нефункциональному классу (ср. прилагательное *юэс* в ижемском коми). Кроме того, в языках бывают противопоставлены лексемы для остроты инструментов (например, швейной иглы) и колоющих природных объектов (например, иголок на елке). Это подтверждает, что в данном случае типологически первичен параметр функциональности, четко различающий два последних класса, а не, например, параметр типа восприятия.

- (37) *mon is'ak šimber'f l'ed'-ən' / *ker'-ən' t'išə*
 я вчера целый.день косить-PST.1SG резать-PST.1SG трава
 'Я вчера весь день косил траву'.

Функциональность оказывается существенной и для выбора между прилагательными *orža* и *pika*. В то время как для прилагательного *pika* определяющим признаком характеризуемого им объекта является форма (оно характеризует объект с острием в виде точки, независимо от его функциональности, ср. *pika šaļkə* 'острый нос' vs. *pika nal* 'острая стрела'), прилагательное *orža* описывает те объекты, для которых острота является функциональным признаком (форма объекта при этом не важна). Так, *orža* характеризует колющие и режущие инструменты: ср. *orža pejəl* 'острый нож', *orža uz'ərj* 'острый топор', *orža salmāks* 'острая игла', *orža nal* 'острая стрела'. Кроме того, это прилагательное сочетается с обозначениями частей тела, которые могут функционировать как режущие или колющие инструменты (*orža ken'žə* 'острый коготь', *orža pej* 'острый зуб'). В то же время лексема *orža* в большинстве идиолектов не сочетается с существительными, обозначающими объекты острой формы, для которых этот признак не функционален (например, нос, верхушка горы). Тем самым именно фактор функциональности обуславливает выбор лексемы *orža*.

32.4.4 Оценка

Еще одно регулярное противопоставление касается параметра положительной / отрицательной оценки объекта. Как уже было сказано (раздел 32.3.2), это противопоставление релевантно для семантической зоны 'старого'. Доминантная лексема *sir'ə* 'старый' с этой точки зрения абсолютно нейтральна и может сочетаться как с положительной, так и с отрицательной оценкой объекта, тогда как идея потери функциональности, связанная с лексемой *taštə*, неизбежно приводит к отрицательной оценке объекта.

Параметр оценки важен в мокшанском языке и для единиц с семантикой, **антонимичной признаку 'тугой'**. К ним, например, относятся прилагательные, которые описывают слабо затянутый узел, слабо натянутую струну, разболтанные дверные петли, свободно сидящую одежду и др. (см. подробнее [Гасанова 2014; Бобрёноква, Закирова 2016], а о признаке 'тугой' — [Баскакова 2015]). В русском языке эти фреймы покрываются очень широким набором лексем (ср. приведенные только что контексты), однако во многих языках значительная их часть обслуживается одной доминантной лексемой — например, в английском языке это лексема *loose*.

В мокшанском языке базовым для данной зоны является прилагательное *lafčə*, описывающее, в частности, слабо завязанный галстук, слабо натянутые струны балалайки, разболтанные петли. Во всех этих контекстах лексема *lafčə* выражает негативную оценку. Важно, кроме того, что *lafčə* не используется в контекстах, предполагающих негативной оценки, ср. англ. *loose hair* 'распущенные волосы'. Так, словосочетание *lafčə panar* в большинстве идиолектов имеет отрицательную коннотацию, обозначая 'платье, которое велико' либо 'поношенное платье', но не 'свободное, просторное платье'. Семантика негативной оценки сохраняется и в метафорах этого прилагательного: *lafčə ava* 'распущенная женщина' и *lafčə pr'e* 'тупая голова'.

32.5 Семантические сдвиги

Этот раздел посвящен семантическим сдвигам, связывающим мокшанские признаковые лексемы. Будут обсуждены традиционно выделяемые их типы — метафора и метонимия, а также неочевидные случаи и некоторые более сложные процессы.

Метафора обычно понимается как перенос по принципу сходства: семантическая область-источник проецируется на семантическую область-цель (см., например, [Lakoff, Johnson 1980; Fauconnier 1985; Croft 2002]). Так, прилагательное *теплый* исходно относится к семантической области температуры (ср. *теплая вода*), а в переносном употреблении может использоваться в области чувств и эмоций (ср. *теплые чувства*), которая и является в данном случае областью-целью метафоры. Элементам структуры области-источника соответствуют элементы структуры области-цели. Так, в предложении *В море плавают обломки потерпевшего крушение корабля* реализовано прямое значение глагола *плавать*, описывающего здесь пассивное перемещение в жидкости, а в предложении *Студенты плавают на коллоквиуме по старославянскому языку* — переносное значение, в котором данный глагол описывает неуверенную академическую (или, шире, социальную) коммуникацию. Субъект социальной коммуникации метафорически сопоставляется здесь с субъектом пассивного перемещения, социальная среда — со средой в пространстве, где происходит пассивное перемещение, а вся ситуация неуверенной социальной коммуникации определяется через ситуацию пассивного перемещения. В работах Московской семантической школы (см., например, [Падучева 2004b; Кустова 2004; Рахилина и др. 2010a; 2010b]) в фокусе определения метафоры находится изменение сочетаемостных свойств лексем. При метафорическом переносе сдвиг в значении лексемы сопровождается изменением таксономического класса лексем, с которыми данная лексема сочетается. Это понимание, как отмечено и в [Рахилина и др. 2010b: 406], не противоречит разобранному выше определению.

Метонимия традиционно понимается как перенос лексемы «по смежности» в рамках одного фрейма. Ситуации «смежности» каталогизировались в целом ряде работ (см. списки наиболее частотных метонимических переносов в [Апресян 1974/1995; Radden, Kövecses 1999; Peirsman, Geeraerts 2006], в основном на материале русского и английского языков). Примером переноса по смежности может служить перенос ‘содержимое контейнера — контейнер’, ср. *Он съел суп* vs. *Он съел целую тарелку*. В традиции Московской семантической школы метонимия трактуется как переход в пределах одной концептуальной области, при котором происходит смещение коммуникативного акцента с одного фрагмента этой области на другой (ср. *domain highlighting*, [Croft 1993]). В частности, согласно Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой, при исходном значении глагола и при метонимическом сдвиге в фокус внимания помещаются разные участники ситуации [Падучева 2004b; Кустова 2004]. Так, словосочетания *прорубить стену* и *прорубить дыру в стене* отсылают к одной и той же ситуации, однако в первом из них в центре внимания оказывается участник, соответствующий прямому дополнению. Во втором словосочетании коммуникативный акцент за счет изменения глагольной диатезы попадает на участника ‘дыра’, в то время как участник ‘стена’ смещается на второй план, занимая менее приоритетную синтаксическую позицию.

В работах последних лет (см., например, [Бонч-Осмоловская и др. 2009; Рахилина и др. 2009; Рахилина и др. 2010а; 2010б; Карпова и др. 2011]) описывается еще один тип семантического сдвига, характерный для признаковой лексики (впрочем, не только для нее), который не может быть однозначно охарактеризован как метафора или метонимия. Авторы упомянутых работ используют для обозначения этого типа термин «ребрендинг». Примеры ребрендинга в признаковой лексике объединяют такие случаи, когда производное значение выводится из исходного на основе так называемой «вероятностной импликации», ср., например, разбираемые в [Рахилина и др. 2010б: 431, 433, 445] переносы *дико кричать* → *дико огорчиться* (из исходного значения буйных действий развивается переносное, характеризующее интенсивность действия или состояния в целом), *дружно играть* → *дружно аплодировать* (из идеи успешного социального взаимодействия выводится идея одновременности действия), *скромная девушка* → *скромный выбор* (исходное употребление, описывающее ничем не выделяющийся стиль поведения человека, мотивирует развитие более широкой сочетаемости этого прилагательного в значении чего-л. однообразного).

32.5.1 Метонимия

В мокшанском языке, как и в языках, которым посвящены упомянутые выше теоретические работы о метонимии, существуют регулярные метонимические переносы, ср., например, *kalgəda acat* ‘жесткий матрас’ (характеристика части) — *kalgəda kravat'* ‘жесткая кровать’ (характеристика целого). В настоящей главе мы не будем обсуждать переносы такого типа, а рассмотрим некоторые менее тривиальные случаи метонимических переносов, которые связывают между собой разные семантические области качественных признаков.

Так, в мокшанском языке обнаруживается метонимическая связь семантических полей ‘прозрачный’ и ‘светлый’. Лексема *valdə* может значить как ‘светлый, яркий’ (раздел 32.2.3), так и ‘прозрачный, видимый насквозь’ (оба значения относятся к ситуации эмиссии света, происходит семантический перенос ‘свойство источника света’ — ‘свойство препятствия для света’). В последнем значении прилагательное *valdə* чаще всего выступает в сочетании с названиями жидкостей (*ved'* ‘вода’, *čej* ‘чай’ и др.) или объектов, сделанных из прозрачного материала (*val'me* ‘окно’, *gl'en'c'ək* ‘стекло’, *koŋf* ‘ткань’) ср. контексты (38)–(40), иллюстрирующие такое значение и одновременно исключаяющие возможность интерпретировать *valdə* как ‘светлый’. Заметим, что и типологически семантика ‘прозрачный’ достаточно часто развивается у лексемы вторично, см. [Сидорова 2017].

- (38) *butilka-s'*   *t'i-f*   *topədə*   *valdə*   *st'okla-stə*
 бутылка-DEF.SG   делать-PTCP.RES   темный   прозрачный   стекло-EL
 ‘Бутылка сделана из темного прозрачного стекла’.
- (39) *čej-s'*   *kruška-t'*   *esə*   *ravžə*,   *no*   *valdə:*   *čej*
 чай-DEF.SG   кружка-DEF.SG.GEN   в.IN   черный   но   прозрачный   чай
t'išə-n'ε-t'n'ə   *n'ej-əv-iŋ-t'*   *potməks-ənc*   *ezdə*
 трава-DIM-DEF.PL   видеть-PASS-NPST.3-PL   дно-3SG.POSS.SG.GEN   в.ABL
 ‘Чай в кружке темный, но прозрачный: видны чайники на дне’.

- (40) *nataša kanc' pradukta-t lavka-t ezda*
 Наташа нести.PST.3[SG] продукт-PL магазин-DEF.SG.GEN в.ABL
valda pakeca, i tostā n'ej-av-s' butilka
 прозрачный пакет.IN и оттуда видеть-PASS-PST.3[SG] бутылка
lofcā martā
 молоко с
 'Наташа несла продукты из магазина в прозрачном пакете, и там была видна бутылка с молоком'.

Еще один пример метонимии связан с пространственно смежными свойствами объектов — **фактурой поверхности** и **внутренней структурой** объекта с определенной фактурой поверхности. Здесь в центре нашего внимания оказывается прилагательное *kaz'amā*. Оно является базовой лексемой, описывающей шершавые и шероховатые поверхности, ср. *kaz'amā ked'* 'шершавая рука' (например, покрывшаяся корочкой от мороза), *kaz'amā kel'* 'шершавый язык' (например, у коровы), *kaz'amā šama* 'плохо побритое (букв. шероховатое) лицо', *kaz'amā doska* 'шершавая доска' (например, плохо обструганная). Это же прилагательное может описывать один из типов объектов с жесткой структурой (однако обычно такие объекты описываются в мокшанском языке прилагательными *kemā* и *kalgāda*, см. раздел 32.3.5 — при отсутствии надежных диахронических данных это позволяет предположить, что первичное употребление лексемы *kaz'amā* касается именно фактуры поверхностей). Лексема *kaz'amā* применяется к объектам, на поверхности которых выделяется много мелких неровностей (во многих случаях трудно поддающихся деформации). При переносе свойств поверхности на свойства структуры всего объекта возникает переносное значение 'жесткий', ср. пример (41), где речь идет не о качестве поверхности, а о внутренней структуре всего объекта, а также сочетания *kaz'amā mat'er'ija* 'грубая ткань' *kaz'amā t'iša* 'жесткая трава' (например, если на ней неудобно сидеть), *kaz'amā sakal* 'жесткая борода', *kaz'amā salmākst* 'жесткие иголки' (например, у елки), *kaz'amā t'el'mā* 'жесткий веник'.

- (41) *son' kaz'amā-t šer'-anzā, af pona-v-ij'-t'*
 он.GEN жесткий-PL волосы-3SG.POSS.PL NEG плести-PASS-NPST.3-PL
puā-nzā
 коса-3SG.POSS.PL
 'У нее жесткие волосы, косы не заплетаются' [Павлова 2014: 133].

32.5.2 Метафора

Наиболее распространенная модель метафорического переноса предполагает семантическое развитие в область **характеристики человека**. Например, прилагательное *kaz'amā* 'шершавый', применяясь метафорически к человеку, принимает значение 'жестокый'. То же значение оно выражает и в сочетании *kaz'amā s'ed'i* 'жестокое (букв. шершавое) сердце'.

Очень широкий набор переносных значений развивает и прилагательное *orža* 'острый' (что характерно для лексем этой зоны типологически, см. [Кюсева 2012]). Так, выражение *orža kel'*, буквально означающее 'острый язык', используется по отноше-

нию к язвительному, грубому человеку. Наречие *oržastə* ‘остро’ часто применяется к взгляду — когда человек смотрит куда-то пронизательно, внимательно, неотрывно. При этом оценка такого взгляда может быть в зависимости от контекста и положительной, и отрицательной, ср. следующие примеры:

- (42) *məz'ardə suva-n', son vanc' orža-stə*
 когда войти-PST.1SG он смотреть-PST.3[SG] острый-EL
langə-zə-n, bətə mon vrag-əc-an i mez'ə-bəd'ə
 на-1SG-ILL будто я враг-3SG.POSS.SG-NPST.1SG и что-INDEF
bətə t'ij-an kal'd'av
 будто делать-NPST.1SG плохой
 ‘Когда я вошел, он на меня так зло (букв. остро) посмотрел, как будто я его враг и делаю ему что-то плохое’.
- (43) *pet'ε orža-stə van-i maša-n' lank-s,*
 Петя острый-EL смотреть-NPST.3[SG] Маша-GEN на-ILL
s'as mes pek kel'k-si
 потому почему очень любить-NPST.3SG.O.3SG.S
 ‘Петя неотрывно (букв. остро) смотрит на Машу, потому что очень ее любит’.

Наконец, отмечены и примеры, в которых прилагательное *orža* используется по отношению к непоседливому ребенку:

- (44) *vagə mon' ic' orža*
 вот я.GEN ребенок.DEF.SG острый
 ‘Вот у меня ребенок непоседливый (букв. острый)’

Достаточно многочисленны метафоры, характеризующие человека, и в семантических зонах ‘полный’ — ‘пустой’, а также ‘чистый’ — ‘грязный’ и ‘светлый’ — ‘темный’. Так, прилагательное *urdazu* ‘грязный’ может метафорически относиться к клеветнику либо к нечистому на руку человеку. Выражение *šavə s'el'mə* (букв. ‘пустой глаз’) описывает взгляд, не выражающий каких-либо эмоций:

- (45) *učit'əl'-s' suva-s' klaz-t'i i*
 учитель-DEF.SG войти-PST.3[SG] класс-DEF.SG.DAT и
učən'ik-n'ə-n' lank-s van-c' šavə s'el'mə-sə
 ученик-DEF.PL-GEN на-ILL смотреть-PST.3[SG] пустой глаз-IN
 ‘Учитель вошел в класс и посмотрел на учеников пустыми глазами’.

Менее распространена в нашем материале модель метафорического расширения лексики физических признаков на обозначение физиологических свойств человека. Чаще всего имеющиеся примеры относятся к характеристике голоса, как выражение *kos'kə vajgel'* (букв. ‘сухой голос’), описывающее немелодичный голос. Сочетание *kaz'amə vajgel'* (букв. ‘шершавый голос’) характеризует грубый тембр голоса человека, но не его временное состояние (в последнем случае, например по отношению к голосу простуженного человека, будет использовано словосочетание *kaškəmf vajgel'* ‘охрипший голос’).

Следует также остановиться на метафорах, относящихся к описанию **абстрактных сущностей**. Некоторые из них касаются семантической области речи, ср. сочетание *kos'kə azks* 'сухой рассказ' или пример (46), иллюстрирующий метафорическое развитие лексемы *šavə* 'пустой'.

- (46) *mon s'iz'ə-n' ton' šavə va|n'ə-n' ezdə*
я устать-PST.1SG ты.GEN пустой слово-DEF.PL-GEN в.ABL
'Я устала от твоих пустых слов'.

Некоторые метафоры этого класса развиваются и у прилагательного *aru*, исходно употребляющегося по отношению к чистой воде или воздуху. Метафорически оно может описывать уютный дом (характеризуя тем самым абстрактное свойство предмета), хорошее владение языком, приятную для человека жизнь. Метафорическому переносу может подвергаться сочетание *aru* с генитивом существительного *kožf* 'воздух' — *aru kožfən*:

- (47) *son korta-j pek aru / aru kožf-ən'*
он говорить-NPST.3[SG] очень чистый чистый воздух-GEN
tokšə-n' kel'-sə
мокша-GEN язык-IN
'Он говорит на очень правильном, красивом мокшанском языке'.

32.5.3 Одно или два значения?

Не во всех случаях «полифункциональность» — ситуацию, когда лексема обслуживает два выделяемых с типологической точки зрения фрейма — удобно представлять как многозначность, возникшую в результате семантического перехода. В некоторых случаях синхронный семантический анализ конкретно-языковых данных может указывать на то, что лексема имеет единственное значение и именно в силу этого употребляется в двух разных множествах контекстов. При этом надежных критериев разграничения таких случаев в лексической типологии, по-видимому, пока нет: в работах Е. В. Рахилиной и коллег этот вопрос избегается, а в статье [Zalizniak et al. 2012], посвященной другому типологическому проекту, дается лишь формулировка теоретических проблем и разбор некоторых частных примеров, но не дается никакого общего решения.

Рассмотрим эту проблему на примере мокшанского прилагательного *vid'ə*. Его этимологически исходным значением, согласно базе данных Starling и [Вершинин 2004: 52], является значение 'прямой'. Его реализация представлена в (48): в данном случае речь идет о дороге в селе Лесное Цibaево, которая не имеет поворотов (одновременно изобилуя неровностями на своей поверхности, что исключает в данном контексте интерпретацию 'ровный').

- (48) *jur'ij pavlavič-ən' ezdə sev-əm-s n'ina-n'd'i*
Юрий Павлович-GEN в.ABL брат-INF-ILL Нина-DAT
mol'-əm-s ki-s' vid'ə
идти-INF-ILL дорога-DEF.SG прямой
'Начиная от Юрия Павловича до Нины дорога прямая'.

Вместе с тем лексема *vid'ə* описывает в мокшанском языке еще и ровные поверхности. Так, в (49) это прилагательное тоже применено к дороге, но характеризует в данном случае уже качество ее поверхности (интерпретация 'прямой' в данном примере была бы невозможна, поскольку дорога, о которой идет речь, неоднократно поворачивает, что хорошо известно носителям исследуемого говора).

- (49) *pot'ma-stə sev-am-s t'emn'ikəv oš-u mol'-am-s*
 Потьма-EL брать-INF-ILL Темников город-LAT идти-INF-ILL
ki-s' od, an'c'ək t'i-f i vid'ə
 дорога-DEF.SG новый только делать-PTCP.RES и ровный
 'Из Потьмы в Темников дорога новая, только что сделанная и ровная'.

Наконец, в (50) лексема *vid'ə* описывает уже не объект, отождествляемый с линией, а обширный участок. В этом случае единственно возможное значение данной лексемы — 'ровный'.

- (50) *min' t'asə paks'ε-t'n'ə vid'ə-t, fke-vək pandə aš*
 мыл.GEN здесь поле-DEF.PL ровный-PL один-ADD холм NEG.EX
 'У нас здесь поля ровные, ни одного холма нет'.

Примеры комбинации интерпретаций 'прямой' и 'ровный' для одной лексемы не уникальны типологически, ср. анализ в [Апресян (ред.) 2004: 984–985] контекстов *ровная строчка* и *ровный пробор*, а также наречные контексты типа *ровно отрезать* или *ровно свисающая скатерть*. В пределах уральской семьи подобная полисемия отмечается для марийского прилагательного *tör* [Кашкин 2013а: 182–185]. В лексической типологии в целом такое сочетание употреблений пока не исследовано детально. В этом отношении мокшанский язык представляет интересный эмпирический материал. Встает, однако, вопрос о том, сколько значений имеет прилагательное *vid'ə* в рамках мокшанской системы и нужно ли вообще усматривать в его случае семантический переход? Чисто логически можно усмотреть в этом случае метафорический сдвиг, сопутствующий смене таксономического класса объекта с линии на плоскость, — но идея описания свойств плоскости путем уподобления свойствам линии (предполагаемая общей идеей «наложения» одного домена на другой при метафоре) окажется тогда принятой ad hoc, поскольку дополнительной типологической аргументации такого решения в нашем распоряжении нет. Другая логическая возможность — трактовать этот пример как метонимический сдвиг с описания свойств линии (воспринимаемой как часть плоскости) на описание свойств плоскости (целого). Сам по себе метонимический сдвиг с части на целое хорошо известен в семантической теории, однако в нашем случае непонятно, чем можно было бы независимо аргументировать именно метонимический характер категоризации свойств поверхности. Наконец, возможно трактовать рассмотренный случай и таким образом, что лексема *vid'ə* имеет по сути одно значение — 'не содержащий нерегулярностей формы (о линии или поверхности)'. Косвенно возможность подобной трактовки высказывается и в [Апресян (ред.) 2004: 985], где об употреблении русского *ровный* по отношению к форме линии сказано, что они «сближаются» с употреблениями типа *ровное поле*, поскольку «указывают на неизменность тех или иных характеристик объекта, его правильность и гармоничность, отсутствие дефектов».

32.5.4 Ребрендинг

Перейдем к анализу случаев ребрендинга в мокшанском языке (о содержании этого понятия см. вводные замечания к разделу 32.5 и приведенные там ссылки). Первый из примеров такого сдвига (описанный в [Павлова 2014]) представлен прилагательным *kemə* ‘твердый’ и однокоренным наречием *keməstə*. Эти лексемы в переносном значении характеризуют высокую интенсивность действия, ср. *kemə lov* ‘сильный снегопад’, *kemə vačəši* ‘сильный голод’, *kemə mar’ej* ‘сильная боль’, *kemə jakšamə* ‘крепкий мороз’, *keməstə kajas* ‘сильно ударил’, *keməstə mel’afci* ‘хорошо помнит’. Семантика высокой интенсивности, по имеющимся на сегодняшний день данным, является одним из частотных результатов ребрендинга, ср. русские примеры из [Рахилина и др. 2010b: 443–444]: *безумно устать, дико испугаться, жутко растеряться, острая нехватка* и пр.

Интересный пример ребрендинга представлен лексемами полей ‘чистый’, ‘прозрачный’ и ‘светлый’. Прилагательные *čistaj* ‘чистый’ и *valdə* ‘светлый, прозрачный’ сдвигаются в значения ‘только’, ‘сплошь, сплошной’, ‘полностью’, ‘один’ (в функции рестриктивной фокусной частицы)⁹. Помимо *čistaj* в мокшанском существует и используемый в близких контекстах вариант *čistə*¹⁰. Нельзя исключать, что этот сдвиг происходит под влиянием русского языка (ср. *Это чисто практический вопрос*). В то же время, как будет показано далее, употребление русского *чисто* адекватно не во всех приводимых примерах, поэтому говорить здесь о полной кальке нельзя.

Согласно [König 1991: 159], одним из трех возможных способов пополнения инвентаря рестриктивных фокусных частиц является грамматикализация каритивных прилагательных, ср. англ. *merely* ‘только, просто’ (< лат. *merus* ‘беспримесный’), *purely* ‘только, целиком, совершенно’ (< *pure* ‘чистый, беспримесный, однородный’), нем. *bloß* ‘только, просто’ (< *bloß* ‘голый’). В то же время с точки зрения типологии развитие фокусных маркеров из признаков лексем изучено пока недостаточно, за исключением лексем ‘прямой / прямо’ и ‘ровный / ровно’ (ср., в частности, английское *even*), обсуждаемых в [König 1991; Traugott 2006; Добровольский, Левонтина 2012; Лучина и др. 2013; Лучина 2014]. В некоторых исследованиях «дискурсивизация» признаков слов рассматривается как частный случай грамматикализации (см. подробнее [Лучина 2014] об основаниях такой трактовки). Работы по теории грамматикализации также не представляют исчерпывающего инвентаря подобных переходов (например, в [Heine, Kuteva 2004] обнаруживаются лишь единичные примеры прилагательных как источников грамматикализации — ‘bad’, ‘true’ и ‘alone’).

Мокшанские прилагательные *čistaj*, *čistə* и *valdə* также могут функционировать как фокусные операторы. Все три лексемы могут модифицировать прилагательные в ситуации, когда признак, задаваемый прилагательным, может распространяться не на весь объект, см. (51), однако *čistə* все еще осознается некоторыми носителями как рус-

⁹ В [Серебренников и др. (ред.) 1998: 44] отмечается развитие значения ‘слишком, чересчур, много’ у литературного прилагательного *ару* ‘чистый’. В наших говорах сама эта лексема известна, но подобного семантического сдвига не претерпевает. Кроме того, в [Paasonen 1990–1996: 2518] для лексемы *valdə* в качестве одного из значений приводится ‘всегда, постоянно’, но в изучаемом нами идиоме есть тенденция к грамматикализации *valdə* также в значение ‘только’, ‘полностью’, ‘сплошь’.

¹⁰ Эта лексема используется только в дискурсивной функции и запрещается в контекстах, где *čistaj* используется в буквальном значении.

ское заимствование и оценивается как не вполне уместное. В подобных контекстах эти лексемы интерпретируются как ‘полностью, целиком’.

- (51) — *kodamə t'us-əc t'ε panar-t'?*
 какой цвет-3SG.POSS.SG этот рубашка-DEF.SG.GEN
 — *t'ε panar-s' ^{OK}čistaj | ?čistə | ^{OK}valdə ravžə*
 этот рубашка-DEF.SG чистый чисто светлый черный
 ‘Какого цвета эта рубашка? — Эта рубашка чисто черная (нет других цветов)’.

В случае, когда признак, задаваемый прилагательным, может характеризовать только объект полностью, для модификации прилагательного используется лексема *čistə* (кроме идиолектов тех носителей, которые стремятся избежать русского заимствования), а остальные лексемы в основном запрещаются, ср. (51) и (52).

- (52) — *kodamə kn'iga-t maks-s'-t' t'εjə-t' bibli'iot'eka-stə?*
 какой книга-PL дать-PST.3-PL PRON.DAT-2SG.POSS библиотека-EL
 — *?čistə | ??čistaj | *valdə sir'ə kn'iga-t, od aš-ə]-t'*
 чисто чистый светлый старый книга-PL новый NEG-IMPF-PL
 ‘Какие книги тебе дали в библиотеке? — Только старые, новых не было’.

Полная именная группа также может быть в сфере действия этих лексем, если существительное имеет множественный референт, образующий однородную совокупность, ср. (53). В этих контекстах также возникает интерпретация ‘полностью, целиком, сплошь’.

- (53) *t'ε vir'-t' esə kas-ij-t' ^{OK}čistaj | ^{OK}valdə | ?čistə tumə-t*
 этот лес-DEF.SG.GEN в.IN расти-NPST.3-PL чистый светлый чисто дуб-PL
 ‘В этом лесу растут одни дубы’.

В сфере действия всех трех лексем может находиться и существительное, оформленное неопределенным генитивом и имеющее значение ‘состоящий из N’ (*pona-n'* ‘шерстяной’ < *pona* ‘шерсть’, *tumə-n'* ‘дубовый’ < *tumə* ‘дуб’ и др.):

- (54) *t'ε vir'-s' valdə tumə-t | ?tumə | ^{OK}tumə-n'*
 этот лес-DEF.SG светлый дуб-PL дуб дуб-GEN
 ‘Этот лес — сплошные дубы (букв. чисто дубовый)’.
- (55) *t'ε l'εm-s' ^{OK}valdə | ^{OK}čistaj | ^{OK}čistə modamar'-ən'*
 этот суп-DEF.SG светлый чистый чисто картошка-GEN
 ‘В этом супе одна картошка’.

Помимо большого количества пересекающихся контекстов, в употреблении *valdə* и *čistaj* / *čistə* существует и ряд отличий. Так, обычно — в случае «классических» рестриктивных частиц типа *только* — пропозиция, соответствующая предложению без частицы (например, ‘Пришел Вася’ для предложения *Пришел только Вася*), находится в пресуппозиции высказывания. Частицы типа русского *сплошь* отличаются от «классических» рестриктивных частиц тем, что могут употребляться в высказываниях, не содержащих такую пресуппозицию. Например, предложение *Неверно, что на поляне сплошь голубика* может означать ‘На поляне вовсе нет голубики’ либо ‘На поляне, кро-

ме голубики, есть что-то еще'. Для мокшанского это противопоставление тоже релевантно: *valdä* охотнее, чем *čistaj*, употребляется в контекстах, близких русскому *сплошь*. Типичный пример такого контекста — локативная предикация:

- (56) *mon l'is'-ən'd'-an uš-u, a tosə valdä / *čistaj*
я выйти-FREQ-NPST.1SG улица-LAT а там светлый чистый
pin'ə-t / pin'ə
собака-PL собака
'Выхожу на улицу, а там одни собаки'.

- (57) *mon jor-an rana-m-s lavka-stə maɣ'-t' a tosə*
я хотеть-NPST.1SG купить-INF-ILL магазин-EL яблоко-PL а там
^{OK}*valdä / *čistaj / ^{OK}čistə gruša*
светлый чистый чисто груша
'Я хотела купить в магазине яблок, а там одни груши'.

В целом рассмотренные лексемы исходно описывают отсутствие загрязнения на / в объекте (*čistaj* и однокоренное *čistə*), а также наличие света и метонимически отсутствие препятствий для наблюдения света (*valdä*). В употреблении, проанализированных в данном разделе, такая исходная семантика сдвигается в семантику отсутствия каких-либо альтернатив фокусируемому целевому признаку. Основное значение лексем утрачивается, и они функционируют как фокусные операторы.

Еще один интересный пример ребрендинга наблюдается у прилагательного *golaj*, заимствованного из русского языка. Исходно эта лексема может описывать, наряду с доминантной и более распространенной лексемой *štadä* 'голый', поверхности без некоторого цельного покрытия (например, голые стены или голую землю, на которой ничего не растет), а также — в отдельных идиолектах — голого человека (в целом, однако, в этом контексте она разрешается носителями хуже, обычно в нем используются прилагательные *štadä* либо *kəɣtapə* 'обнаженный'). Переносно лексема *golaj* используется в значении 'всегда, постоянно' или 'только', выражая отсутствие альтернатив в осуществлении действия, как в следующих примерах:

- (58) *son golaj jaka-j s'in' pel'-i*
он голый ходить-NPST.3[SG] они.GEN у-LAT
'Он всегда ходит к ним'.
- (59) *kol'ε golaj koɣ-n'-i urok-stə*
Коля голый говорить-FREQ-NPST.3[SG] урок-EL
'Коля постоянно разговаривает на уроках!'
- (60) *vas'ε-n'd'i bal'n'ica-v sa-šənc'*
Вася-ДАТ больница-LAT приходить-FREQ.PST.3[SG]
golaj ava-c
голый жена-3SG.POSS.SG
'К Васе в больницу приходила только жена'.

Отметим, что в (58)–(60) *golaj* функционирует не как прилагательное, а как наречие или частица. Согласно [Рахилина и др. 2010b], смена морфосинтаксических харак-

теристик является одним из возможных (но необязательным) компонентом ребрендинга: существенный отрыв лексемы от исходной семантики может сопровождаться и ее отрывом от исходного морфосинтаксического класса (что и наблюдается в случае *golaj*).

32.6 Обобщение

В данной главе обсуждались основные результаты, полученные при исследовании признаковой лексики в мокшанском языке. Прежде всего, было проанализировано несколько случаев, когда лексико-типологический подход оказался продуктивным для описания мокшанских данных: это поля наличия влаги, высокой скорости (и смежные значения высокой интенсивности), а также наличия и отсутствия света. Эти примеры демонстрируют, во-первых, что мокшанская лексика отвечает типологическим предсказаниям и отражает те же противопоставления, которые были найдены на материале других языков и включены в соответствующие типологические анкеты. Во-вторых, целый ряд обсуждаемых в настоящей главе семантических зон содержит типологически нетривиальные противопоставления. Примерами служат зоны фактуры поверхностей (особая категоризация частей тела), 'старого' (оценочная оппозиция базовых лексем, не описанная в типологии стратегия категоризации большой дистанции во времени), 'молодого' — 'нового' (выражение обоих значений одной лексемой), размера (дробные противопоставления в зонах 'высокого' — 'низкого' и 'глубокого' — 'мелкого', наряду с их объединением некоторыми лексемами), 'твердого' — 'жесткого' (важность дефолтной твердости или мягкости объекта; шкала твердости / мягкости).

Представленный в настоящей главе анализ признаковой лексики, выполненный на основе лексико-типологического подхода, позволяет выявить семантические закономерности, проявляющиеся в разных полях и указывающие на системность организации лексики. Сверх того, разные исследуемые зоны системно связываются друг с другом путем семантических переносов, модели которых рассматривались в настоящей главе. Стоит особо выделить среди них типологически малоизученный процесс развития фокусных операторов из признаковых лексем (прилагательных с семантикой 'чистый', 'светлый, прозрачный' и 'голый').